

В. К. ОХОЧИНСКИЙ

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ

ГЕОРГИЯ
НАРБУТА

ЛЕНИНГРАД
1924

БІБЛІОТЕКА УКРАЇНСЬКОГО МИСТЕЦТВА

UARTLIB.ORG

UARTLIB@GMAIL.COM

*Посвящается
В. К. ЛУКОМСКОМУ*

КНИЖНЫЕ.
ЗНАКИ

ГЕОРГИЯ
НАРБУТА

В. К. ОХОЧИНСКИЙ

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ

ГЕОРГИЯ
НАРБУТА

Издание исполнено
в количестве 500 экз.
под наблюдением
А. Л. Парижского.
Марка Издательства
работы В.К.Изенберга.

ЛЕНИНГРАД
1924

Б. К. ОХОДНИЧЕНЬ
КНИЖЕДЕЛЕНИЯ
ШАРН
ЛЕОПЛН
АТЛАС

Ленинградский Гублит № 12062, гор. Ленинград.

Типо-литография „Транспечати“ НИИС. Фонтанка, 117
Отпеч. в колич. 500 экземпл.

Георгий Иванович Нарбут — выдающийся художник график, творец стальной „нарбутовской“ линии, создатель многочисленных видов выработанного им шрифта, автор удачных проникновенных обложек, заставок и концовок для самых разнообразных изданий, тонкий художник, чудесно переносящий то в Александровский ампир, то в героически-рыцарскую эпоху или волшебный мир сказок и басен и, наконец, талантливый теральтик, красноречиво возродивший своими эффектными комбинациями и вариациями гербовых эмблем и символов, казалось бы, отжившее искусство, был также и мастером книжного знака, чутко постигнувшим все назначение экслибриса, как своего рода „охранной грамоты“, долженствующей украсить всякую книгу с одной стороны, и рельефно охарактеризовать личность владельца и состав его библиотеки — с другой.

Вскормивший Нарбута Ленинград способствовал его известности преимущественно как графика — „книжника“, на самом деле знакомство с творчеством Нарбута, его характером, моментами его жизни и деталями его работ с несомненностью убеждают, что он глубоко чувствовал всю много-гранность графики вообще, никогда не удовлетворялся одной областью книги и что в России он был пионером, предугадавшим все обильные возможности применения графического украшения.

Вся жизнь Нарбута дает яркий пример необыкновенной твердости, уверенности в себе и своих силах у "упорного хохла", тотчас по окончании гимназии прибывшего в чужую-ему столицу и сразу сумевшего с должным тактом и чутким в полной мере получить только то, что действительно ему было нужно и полезно. Редкая удача, прирожденный вкус и широкая отзывчивость петербургских художников, угадавших недюжинный талант в приехавшем провинциале, создали благоприятную почву для развития его дарования.

Чем-то легендарным кажется теперь приезд Нарбута, чуть ли не прямо с вокзала, к тогдашнему властителю его-дум автору популярных иллюстраций в русском стиле—И. Я. Билибину, сразу гостеприимно приютившему неожиданного поклонника. "Искерпав" Билибина, Нарбут, дабы понять всю душу графики, переходит к мечтательному психо-логу М. В. Добужинскому. Неустанный "тяня линию", занимаясь обработкой своей техники, обуреваемый неутолимой жаждой знания, Нарбут на короткое время едет в Германию—Мюнхен — этот центр западной графики; возвращаясь, он с Г. К. Лукомским, тогда еще студентом Академии Художеств, проходит курс "перспективы" и изучает архитектурный пейзаж. Удачная встреча и тесная дружба с видными знатоками геральдики—области, всегда притягивающей Нарбута неогра-ниченностью ее применения — с В. К. Лукомским и С. Н. Тройницким увлекает его в область геральдического искусства и тщательного изучения художественных красот герба и его аксессуаров. Он детально знакомится с тайнами гербоведения и графически оживляет сухо-казенный трафарет российских гербов. После долгого и настойчивого изучения он переком-понавливает более эффектно свой семейный герб, как бы заново творит гербы своих друзей и близких ему малорос-

сийских родов, составляет генеалогические таблицы, гераль-дические печати, дипломы и новые вариации государствен-ных эмблем.

С этих пор почти все свои произведения он дополняет какими-либо геральдическими украшениями, иногда вместо подписи снабжая их изображением собственного герба, и даже излюбленные атрибуты его — тромбы — вкладывает остроумным способом в силуэт своего последнего автопортрета. Работая затем с молодыми графиками В. Я. Чемберсон и О. А. Шарлеманем, Нарбут завоевывает прочное положение среди петербургских художников книги, но ни исключительный успех его работ, ни заслуженные похвалы его друзей, ничто не останавливает его и он продолжает неутомимо "набивать руку" — совершенствоваться, сходится с исключительным мастером *blanc et noir*, выдающимся знатоком красивой книги Д. И. Митрохиным, с неистощимым фантастом В. Д. Замирайло — своим земляком, а затем с С. В. Чехони-ным, филигранно-тонкое мастерство и самобытная ориги-нальность которого, стала отличающейся от манеры прежних руководителей, манят его еще непознанной им прелестью.

Влюбленный в стилизованную композицию, он становится деятельным членом "Мира Искусства", широко прокламирую-щего тогда изысканно-разработанный "ретроспективизм", и получается у главных основателей этого течения—Алекс. Н. Бенуа, К. А. Сомова, Е. Е. Лансере и Н. К. Рериха необходимому умению свободно распоряжаться историко-художественными источниками и графическим материалом.

Революция застает Нарбута вполне законченным рисо-вальщиком, с определенно выявившейся индивидуальностью, но парадоксальная аполитичность большинства наших худож-

ников, стоявших ранее, несмотря на присущие им энтузиазм и пылкость, в стороне от активной политической борьбы, и отсутствие поэтому глубокого анализа переживаемых событий, отчелово оказались на нем, когда он, в февральские дни, со свойственной ему необузданностью, сразу после своих „патриотических“, начиненных геральдикой, адресов и дипломов, чуть ли не самолично участвует в уничтожении императорских орлов, очевидно, всецело увлеченный непосредственностью народного гнева против, казалось бы, именно ему особенно близких изображений.

Появившись в 1912 г., в родном Глухове, в произведшем сенсацию, стилизованном костюме столичного дня 20-х годов, гладко выбритый с коротенькими бачками и прилизанными височками — дань его увлечению эпохой Александра I-го, ведь с этих пор он претенциозно изменил свое имя Георгий на Егора, — в 1917 г., перед отъездом в Киев, он расхаживает по Ленинграду уже „самостийным“ запорожцем, с опущенными книзу усами и отростающим чубом. На Украине он, то придворный художник „основательмужного“ гетмана, рисующий пышные проекты костюмов и убранства для его двора, то сотрудник советских органов, пытающийся эмблемы серпа и молота претворить в установленные геральдикой формы и упрощением рисунка приблизить графику к массам. Все эти противоречия, вызванные динамикой революционных переживаний, доказывают постоянное стремление художника тесно сплести всю неисчерпаемую сокровищницу своего дарования с действительностью, не сидеть сложа руки, а честно поделиться своими силами и, выйдя из рамок традиционных канонов, наконец, влиться в жизнь, войти в обиход.

Чопорный, бюрократический Петербург до-военного времени, с его строгими правилами и этикетом, препятствовал

Нарбуту полностью развить его графические искания. Он всячески стремится расширить круг своей деятельности, — исполняет узоры для конвертов, рисунки для календарей, театральных программ и книгоиздательских плакатов, но только на „кантикулах“, у себя в деревне, он с юношеским задором и веселостью развертывается во весь размах своей удивительной монди; здесь он организует стилизованные вечерники-маскарады, на которые сам компонует костюмы, бутафорию и меблировку, строит „чудовищные“ беседки и башни, как бы на практике желая перенести графику в архитектуру, и даже одну из подобных работ любовно фиксирует в рисунке к басне Крылова. Занимается „моментальной фотографией“, создавая из контуров отbrasываемой на стены громадные силуэтные портреты своих приятелей.

Вспыхнувшая мировая война, разбив рамки многих условностей, позволяет, наконец, Нарбуту шире проявить себя. Он с изумительной продуктивностью исполняет для многих журналов ряд роскошных военных композиций, создает с должной зоркостью насыщенный геральдическими фигурами, боевой арматурой и архитектурными мотивами знаменитый цикл „Аллегорий войны“, иллюстрирует героическую легенду из рыцарских времен, выпускает серию военных картинок, взяя прототип старый лубок, а также рисует благотворительные марки для различных обществ и делает вензельевый проект для угла платков царскосельской ситце-набивной фабрики.

Революция, потрясшая все устои и открывшая необозримые горизонты, как бы ошеломляет Нарбута, он не знает за что ему приняться, участвует только в конкурсе нового государственного герба для временного правительства, стараясь лишь внимательным изучением развертывающихся

событий постигнуть все необыкновенные проявления первых революционных дней. Недокончив своей „Украинской Азбуки“, Нарбут устремляется в Киев, где всесело захваченный кипящим водоворотом бурной жизни интенсивно работает, искренно желая во всех случаях принести пользу своим талантам—является одним из главных руководителей молодой украинской академии художеств, деятельным организатором киевской художественной ячейки, автором рисунков почтовых марок, бон и государственных печатей, продолжает также безпрерывно украшать своей национально стилизованной графикой все лучшие местные журналы и издания. Для удовлетворения личной фантазии он создает мифического героя, для которого выдумывает шуточную биографию, устраивает в его честь празднества, на которых с гордостью носит сочиненный им медальон с его портретом.

Но постоянная напряженность нервов, сильные волнения, буйные восторги и жестокие разочарования последних лет, отягченные к тому же серезной болезнью, надорвали его железное здоровье и 23 мая 1920 г., подобно человеку, долго недоедавшему и получившему, наконец, возможность насытиться, он умирает в полном расцвете своего блестящего дарования.

Характерная особенность—Нарбут почти все свои работы предназначал для какого-нибудь применения, чаще всего для печатного воспроизведения и опубликования. Поэтому, неудивительно, что графика книги, как самого распространенного предмета, привлекла его сугубое внимание и на нее он излил главный запас своих творческих сил. Необычайные персонажи фантастических сказок, очеловеченные звери и насекомые крыловских басен, чудесное царство детских игрушек, главным образом, пленяют его и он создает ряд

выразительных иллюстраций, одинаково близких и интересных, как взрослому, так и ребенку. Но неудовлетворенный существующими графическими границами он старается исчерпывающе использовать все возможности, рисует не только обложки, заставки, концовки, фронтисписи и титульные буквы, но создает еще рисунки переплетов, форзацев и издательских марок, доходя, наконец, и до элемента, графически связующего книгу с живой личностью,—до экслибриса. Его увлекает наиболее классический вид книжного знака—„гербовый“, и хотя первые его экслибрисы, предназначенные, очевидно, только для убранства книги, передают лишь одно графическое повторение установленного герба владельца, зато все последние работы, в которых занимающий центральное место герб богато декорирован живописными изображениями различных присущих владельцу и его собранию символов и атрибутов, создают вполне цельные художественные произведения, удовлетворяющие всем требованиям „идеального“ экслибриса. До этих пор наши гербовые книжные знаки являлись в своем подавляющем большинстве или вялыми повторениями утвержденных в „Общем Гербовнике“ рисунков или трафаретными перепевами западных геральдических композиций. Нарбут, показав все неведомые доселе графические достоинства гербовых элементов, первый создал отчетливо-ческий индивидуально-русский тип гербового экслибриса. Весьма трогательно, что все свои экслибрисы он, как знак своей симпатии и расположения, исполнял исключительно для близких друзей, а также весьма знаменательно, что все его книжные знаки имеют какую-то роковую судьбу, так как не только оригиналы самих рисунков, но и большинство собраний, для которых они предназначались, теперь затерялись или погибли.

1. Кн. знак
Дмитрия Николаевича
Дубенского (†).

Второй книжный знак для проф. В. К. Лукомского, исполненный Нарбутом в 1913 году, изображает родовой герб Лукомских, заключенный в увенчанный книжеской короной готовый картуш из „Малороссийского Гербовника“, над которым тогда работал художник, с добавлением по бокам короны инициалов В. А. Но этим рисунком, дающим неправильное толкование о малороссийском происхождении его рода, владелец как книжным знаком полностью не воспользовался, а по собственному почину, изъяв из клише картуш с короной и инициалы и добавив наборным шрифтом „Изъ книгъ В. К. Лукомскаго“, принял такой отпечаток, как экслибрис для своей известной библиотеки по геральдике и генеалогии.

Одновременно Нарбутом был выполнен аналогичный книжный знак для О. Н. Значко-Яворской, урожд. Бернацкой, в котором эмблемы рода Бернацких, также заключены в малороссийский картуш. Этот же рисунок использован и как золототиссенный супер-экслибрис на пергаментных переплетах 9 особых экземпляров книги О. Значко-Яворской „Родословие дворянъ Бернацкихъ, Спб. 1914“. Прекрасное же собрание книг по археологии и истории искусства, которое украсил книжный знак, было оставлено владелицей, уехавшей в 1918 году из Петрограда, и ныне, по-видимому, погибло.

В 1913 году Нарбут делает попытку создать образец „универсального“ экслибриса. Исполняя книгоиздательскую марку для издаваемой „Образованіем“ популярно-научной серии „Новые идеи“ и изобразив усеченнюю колонну с барельефом Аристотеля в центре и пьедестал с наименованием издательства внизу, он наверху помещает слова „Изъ книгъ“, под которыми оставляет пустое место для вписания фамилии владельца. Но, конечно, означенный рисунок не может быть назван настоящим экслибрисом—он все-таки прежде всего, красивая издательская марка.

2. Кн. знак Ольги Николаевны
Значко-Яворской.

Необходимо также упомянуть и об ошибочно причисляемом к книжным знакам рисунке Нарбута—1912 года, изображающим герб Тройницких, обрамленный лентой с латинской надписью: „Sigillum Sergii Nicolai filii de Troiniza Troinizensis“, и являющемся, на самом деле, печатью издателя, оттиснутой на шуточном, выпущенном в количестве 8-ми нумерованных экземпляров, издании: „Реестръ шести знатныхъ особамъ, героическій юрналъ Гербовѣдъ“ шестого октября тысяча девятьсотъ двѣнадцатаго года учредившими, съ показаниемъ герба и способности каждого“, в котором все 6 воспроизведенных гербов (В. К. Лукомского, бар. А. Е. Фелькерзами, В. Я. Чемберса, Г. И. Нарбута, С. Н. Тройницкого и О. А. Шарлеманя) исполнены тоже Нарбутом.

Следующий книжный знак Нарбут исполняет в 1915 г., поступив на службу, в качестве нештатного художника, в Гербовое Отделение Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Постигнув здесь на месте все основы геральдического мастерства, он теперь уверенно

с полным знанием дела распоряжается столом полюбившимися ему геральдическими и архитектурными атрибутами, создавая в ряде графических достижений самые изысканные ансамбли

3. Ки. знак Библиотеки Гербового Отделения, ныне Гербового Музея.

и композиции, которые уже смело применяет и на книжных знаках. Его экслибрис для Библиотеки Гербового Отделения, изображающий обелиск с сенатским гербом на государственном орле, у подножья которого в изобилии рассыпаны жалованые грамоты, дипломы, тома. Гербовника и различные геральдические предметы, является первым в его замечательной серии декоративных гербовых книжных знаков. Раскрашенный им оригинал этого рисунка весьма знаменателен и любопытен по своей пророчески-роковой окраске фона тяжелыми, грозовыми тучами, на котором особенно трагически выделяется белый обелиск с императорской эмблемой. Конечно, грозное впечатление, производимое такой окраской, носящей наивное случайный характер, вопреки воле художника, стремившегося лишь за эффектным световым контрастом, в то время было признано настолько странным и нетактичным, что фронтиспись книги „Каталогъ Библиотеки Гербов. Отд. Департамента Герольдии Правительств. Сената. 1 дополненіе, Птг., 1917 г.“, воспроизведший этот экслибрис, в особо подносных экземплярах, было поручено раскрасить другому художнику, изобразившему фон безоблачно-голубым.

4. Ки. знак бар. Николая Николаевича Врангеля (†).

В том же году Нарбут делает такой же пышный книжный знак, для известного историка искусства, руководителя „Старых Годов“ бар. Н. Н. Врангеля, изображающий герб Врангеля, среди архитектурных руин и вековых деревьев. Отпечатанный в 1916 году, после скоропостижной смерти владельца, этот экслибрис вместе с большим книжным собранием и архивом Н. Врангеля, согласно его завещанию, перешел в библиотеки Пушкинского Дома и Института Истории Искусства. К сожалению, собрание это, несохраненное ныне отдельным фондом, распылено по научным отделам означенных библиотек и лишь книжный знак Нарбута, обнаруживаемый на некоторых книгах, напоминает об их первом владельце.

В 1916 году Нарбут рисует скромный гербовый книжный

знак для своего гимназического директора, видного украинского деятеля и любителя старины — П. Я. Дорошенко († 1919). Этот экслибрис, при сравнении его с таким же скжато-лаконичным знаком, как и для Д. Дубенского, наглядно показывает тот славный графический путь, который был пройден Нарбутом за 5-тилетний период.

Тогда же Нарбут использует и свой третий декоративно-гербовый книжный знак для ред.-издателя журнала „Музикальный Современник“, сына знаменитого компози-

5. Кн. знак Петра Яковлевича Дорошенко (†).

тора А. Н. Римского-Корсакова. Судьба единственного корректурного оттиска этого экслибриса, известного лишь по Выставке Книжных Знаков, устроенной в 1919 г. Институтом Художественно-Научной Экспертизы, куда он был представлен А. К. Савопуло, теперь неизвестна. Оригинал же рисунка, по имеющимся сведениям, погиб в типографии.

Последним из известных книжных знаков Нарбута является его экслибрис для крупного киевского коллекционера и библиофила О. Е. Ганзена, выполненный в Киеве в 1919 году. Хотя рисунок, изображающий мраморную вазу, возвращающуюся среди предметов собирательства владельца и, не носит строго гербового характера, но наличие польских и украинских национальных эмблем придает ему тот же геральдический оттенок, который наблюдается почти во всех его остальных работах. И весьма знаменательно, что этот книжный знак, датированный не только годом, но и днем, как бы в последний раз подтверждает всю быстроту техники Нарбута, мгновенно создающего вполне продуманные композиции.

Благодаря странной традиции большинства наших художников, не имеющих своего собственного „авторского“ экслибриса, Нарбут для себя книжного знака тоже не рисовал. В 1912 г. В. Я. Чемберс исполнил для него проект книжного

6. Кн. знак Оскара Ганзена.

знака, изображающий герб Нарбутов, которым пользовалась семья художника, окруженный стилизованной надписью „Ex museo Georgii Ioannis filii de Narbut D. g. in Narbutouka domini supremi“. Но в виду замены Нарбутом этого герба другим, издавна принадлежавшим лятовскому роду Нарбутов, он этим экслибрисом почти не пользовался.

Все работы Нарбута в области книжного знака убедительно подтверждают ту колоссальную роль и значение, которое они сыграли в развитии русских художественных экслибрисов, и то прочное основание, которое они заложили в декоративные композиции наших национальных—гербовых. В лице Нарбута русское и украинское искусство понесло невознаградимую утрату. Могучий талант, при всей непревзойденной горячности его графического темперамента, должен был именно теперь после всех пережитых бурь и потрясений дать новые изумительные завоевания и нашим непременным долгом перед памятью безвредно утасшедшего мастера, является оказание всемерной помощи в деле собирания и систематизации оставленного и столь щедро разбросанного им, по всем отраслям графики, наследия. Устроенная в 1922 году Русским Музеем выставка его произведений, к участию в которой были привлечены и частные коллекционеры, в сильной мере способствовала обнаружению многих новых, никому неведомых проектов и работ, еще отчетливее выделяющих всю неистощимую интенсивность твердо уверенной чеканной линии Нарбута, явившего собою особую колоритную эру в русском искусстве и современной графике, со всеми достоинствами и недостатками, свойственными славянской натуре.

Акварельные эскизы Нарбута, хранящиеся в Русском Музее, показывают, что этот художник знал, как тщательно и тщательно споделить каждое свою дело, любил он заботы о

ЛЯПИС
писателей
Цена 5 р.

5-
N 1150
20
29.9.10-10/10

ЛОВЪ
ЗЕМЛЯ СИБІРІ

